

Сломанная деревянная кровать всё так же оставалась на прежнем месте, сухая солома была рассыпана повсюду. Поскольку Хо Цзюй передвигался с трудом, жена деревенского старосты сама вызвалась помочь с поисками. Слова эти, будь они сказаны кем другим, наверняка были бы восприняты как корыстные, ведь на кону стояло целых пятнадцать лян серебра, тут и вправду стоило проявить крайнюю осторожность.

— Побеспокою вас, тётушка Су, — с кивком сказал Хо Цзюй.

— Да что ты, пустяки, — ответила старостиха прямодушно. Хо Цзюй рос у неё на глазах, и, видя, как тяжело ему приходится дома, да и как дурно отзываются о нём за пределами деревни, женщина испытывала к нему искреннее сострадание. Чем могла - помогала, хоть немного, но всё легче.

Стоявшие вокруг люди оглядывали обстановку, перешёптывались, тайком переглядывались, кто-то тыкал пальцем.

— В семье Хо, похоже, и правда решили довести Хо-далана до смерти. Больного да покалеченного поселили в таком месте, да тут и здоровый бы слег. Кровать-то совсем рухнула, одна солома осталась. Сейчас-то лето, а представь осенью или зимой разве бы он выжил?

— Тц, тц, тц... Эта Чжао Сюцзюань, конечно, женщина не простая. Столько лет держалась тихо, я уж думала: настоящая хозяйка, всё у неё в доме было чин по чину. А вот, оказывается, лицо-то одно, да душа совсем другая, — покачала головой другая.

— И не говори! Страшно подумать - с виду ласковая, приветливая, а на деле злая до костей. Как же у неё так получается два лица носить?

— Эх, недаром в народе говорят: с мачехой приходит и отчим, — вздохнула одна из женщин. — Будь мать Хо-далана жива, разве бы она позволила Чжао Сюцзюань так измываться над собственным сыном?

— А ведь Чжао Сюцзюань ему родная тётка по матери... Ни капли родственной привязанности, совсем ничего не осталось, — добавила другая.

Старшие жительницы деревни, жёны и вдовы, продолжали бубнить между собой, пересыпая речь вздохами и сожалениями. Молодёжь же, раньше не слыхавшая об этой истории, с любопытством наострила уши и начала подтягиваться ближе.

Оказалось, что Хо Юндэн был женат дважды. До Чжао Сюцзюань его женой была Чжао Сюфу - обе сестры были рождены от одного отца и одной матери. Сюфу отличалась мягким нравом, по-настоящему была добра и скромна, с детства проявляла терпимость и широту души. Даже когда младшая сестра отбирала у неё вещи, она не сердилась, наоборот, всегда заботилась о ней. Поговаривали, что сёстры Чжао были очень дружны. Когда Чжао Сюфу покинула этот мир, трое её детей были ещё малы и нуждались в материнской опеке. Чтобы старшая сестра

могла уйти с покоем в сердце, Чжао Сюцзюань сама выразила желание выйти замуж за зятя, Хо Юндэна, и взять на себя заботу о детях.

Ситуация, когда две сестры делят одного мужа, не была редкостью, но в данном случае всё воспринималось иначе: Чжао Сюцзюань делала это ради сестры и её детей. Жители не только не осуждали её, но даже хвалили за благородство и самопожертвование, благодаря чему она снискала хорошую репутацию.

А теперь, оглянувшись назад, становилось ясно: если бы Чжао Сюцзюань и в самом деле вышла замуж за Хо Юндэна ради того, чтобы заботиться о трёх детях, оставшихся после сестры, то как же вышло, что Хо-далан оказался в чулане среди старого хлама? Стоило лишь вспомнить его детство, и всё становилось ясно: вся грязная и тяжёлая работа ложилась на него. С малых лет он не доедал, одевался в лохмотья и с утра до ночи трудился в поле под палящим солнцем. Развивающееся тело не выдерживало такого гнёта - спина у него согнулась раньше времени, и выглядел он сгорбленным, как старик.

После пятнадцати лет Хо-далан ушёл в армию и покинул деревню Линшуй, а всё хозяйство в доме Хо Юндэна перешло на плечи Хо Чаньяня. Так он и стал новым вьючным животным семьи, сменив брата, и к двадцати двум годам до сих пор оставался холостым, не имея ни жены, ни детей. Из троих детей Чжао Сюфу хоть немного устроилась в жизни только младшая дочь Хо Нин, она вышла замуж за учёного из уездного города. Но это была чистая удача: на неё обратил внимание тот самый господин, когда Чжао Сюцзюань повезла девочку в город жечь благовония в храме.

Пока деревенские с увлечением «жевали семена дыни», пересказывая друг другу услышанное и обсуждали всё это с живейшим интересом, вдруг послышался взволнованный голос жены старосты:

— Нету! Далан, ты точно ничего не путаешь?

Хо Цзюй кивнул, и, глядя прямо и уверенно, ответил:

— Не путаю, я сам собственноручно положил их туда.

Жена старосты в третий раз откинула солому, затем приподняла кирпичи и заглянула в щели, но внутри не оказалось ровным счётом ничего.

— Нет... Ничего нет! Небеса, неужели пропало?! — воскликнула она.

Её крик всполошил всех вокруг, деревенские громко загудели:

— Пятнадцать лян исчезли!?

Люди снаружи тут же гурьбой ринулись в дом, словно хлынувший поток, едва не выломав дверь в кладовку. Пятнадцать лян серебра - дело нешуточное. Люди заговорили наперебой, оглушая со всех сторон. Хо Цзюй стоял в центре толпы, и его лицо, и без того бледное от болезни, казалось, побелело ещё сильнее.

И впрямь, стоило только подумать: Хо-далан, отделяясь от семьи, ничего не потребовал, рассчитывая вести хозяйство лишь на эти пятнадцать лян пособия, и теперь, когда серебро бесследно исчезло, положение стало почти безвыходным.

Серебро, аккуратно спрятанное под кроватью, само по себе исчезнуть не могло, ноги у него не вырастут. Значит, его кто-то украл. Немного поразмыслив, все стали поглядывать исподлобья на семейство Хо Юндэна. В деревне в последнее время жилось беспокойно, люди сидели по домам, почти ни к кому не заходили, так что украсть серебро Хо-далана мог только кто-то из дома Хо Юндэна.

Хо Юндэн вытаращил глаза:

— Что это за взгляды? Я ему отец, с какого бока я мог украсть его серебро? Даже если бы я и взял, когда сын отдаёт деньги отцу - это естественный порядок, как небо и земля, какое же это воровство!

Но этими словами он только сильнее запутал дело: подозрительные взгляды становились всё более настойчивыми.

Хо Ин недовольно скривила губы:

— Мы вообще не слышали, что у него столько серебра есть, и никогда не видели. Он сказал “потерял пятнадцать лян”, так все прямо и поверили? С какой стати?

— Хэй, ты, девчонка, язык у тебя острый, — прикрикнул на неё один из старших геров, погрозив пальцем. — Когда взрослые говорят, детям не пристаёт вмешиваться.

Глаза Хо Ин наполнились слезами, она перепугалась и выглядела так, будто вот-вот расплачется, вид у неё был жалкий-прежалкий. Молодые парни не стерпели:

— Дядя Нью, Хо Ин ведь просто задала разумный вопрос, зачем так строго? Вон, до слёз довели.

Парни заговорили наперебой, и дядя Нью, не успевая вставить ни слова, только наливался всё более тёмной краской - его грубое, загорелое лицо стало ярко-красным.

Женщины закатили глаза и вполголоса пробормотали:

— Такая мелкая, а уже кокетничать умеет, прямо настоящая лиса. Недаром родная дочка Чжао Сюцзюань. Нам такая невестка ни за что не нужна.

— Ещё бы, — фыркнула одна из женщин, — да она и не посмотрит на наших деревенских оборванцев. С таким гонором, как у Чжао Сюцзюань, её зять должен быть не меньше как сюцай.

Посреди шумного гомона вдруг раздался чей-то возглас:

— А! Вспомнил! Разве пару дней назад Чжао Сюцзюань не приходила к старосте? Говорила, будто у них дома пропало серебро, что это наверняка кто-то в деревне украл, и просила старосту найти вора!

После короткой тишины внутри хижины взорвалась новая волна голосов. Действительно, такое было. Рано утром Чжао Сюцзюань ревела у дома старосты, добиваясь, чтобы он обошёл каждый двор и всё проверил. Но чем бы это отличалось от грабительского обыска? Разумеется, жители воспротивились. Староста расспросил ночных дозорных - в ту ночь никто к их дому и близко не подходил, и дело заглохло.

Чжао Сюцзюань будто оледенела с головы до пят. Пальцы ног онемели, она не могла двинуться ни на шаг, а сердце трепетало, будто бурьян, бешено растущий на ветру. Она хотела бы развернуться и сразу же бежать прочь, но тело её совершенно не слушалось. Словно над головой её висел огромный меч, и хотя он не касался её, она ясно ощущала ледяной холод его лезвия на расстоянии. В этот миг она была как приговорённая к казни на эшафоте, и даже кончики пальцев дрожали.

— Сколько серебра тогда потеряла Чжао Сюцзюань? — кто-то спросил в гуще толпы.

Староста сказал твёрдо, словно камень на землю бросил:

— Пятнадцать лян.

Кланг... Словно перерубленный мечом затвор гильотины ударил о землю - так это прозвучало для Чжао Сюцзюань. Она вздрогнула всем телом, будто пережила собственную смерть. Зрачки расфокусировались, по рукам и до самой макушки побежали мурашки, лицо окаменело. Она предельно ясно почувствовала, как десятки взглядов в одно мгновение впились в неё, точно острые стрелы, пронзающие тело и терзающие её по кускам.

Те пятнадцать лян она действительно взяла, но ведь и вправду потеряла. Как ей оправдаться?

Соседи слева и справа, все вокруг, даже Хо Юндэн, Хо Чанъань и Хо Ин с изумлением смотрели на Чжао Сюцзюань. В один день образ добродетельной супруги и заботливой матери, скрупулёзно выстраиваемый столько лет, рухнул в прах.

— Я... я не... — выдохнула она, губы дрожали, а слова оправдания звучали бледно и беспомощно.

— Совпадение, это точно просто совпадение, — Хо Чанъань с натянутой улыбкой попытался выгородить Чжао Сюэцзюань.

Однако совершенно неожиданно он столкнулся взглядом с Хо Цзюем - глубоким, как тёмная топь. Внешне спокойные глаза скрывали бесчисленные эмоции, среди которых, быть может, было и то чувство, что называют «разочарованием». Хо Чанъань вдруг почувствовал, как будто чья-то рука схватила его за горло: слова застряли, рот открывался и закрывался, но ни звука уже не вырывалось. Щёки запылали, словно его огрели звонкой пощёчиной. Он не смог выдержать взгляда Хо Цзюя и в смятении отвёл глаза, будто обращённый в бегство.

Неожиданно всё время молчавший Лин Си заговорил:

— Или... может, позвать Волчьего короля? Он может помочь вынюхать. Нюх у него очень острый, если кошелек действительно лежал где-то, там обязательно остался бы запах брата Хо.

Чжао Сюэцзюань в ужасе едва не закричала, а деревенские точно так же вытаращили глаза на Лин Си. Слышали? Вы слышали, ЧТО он говорит? Это вообще по-человечески!?

— Н-н-не надо, не стоит беспокоить Волчьего короля, — староста поспешно замахал руками, остальные тут же затрясли головами, как барабанчики.

Лин Си искренне пожал плечами:

— О, ну ладно. Если понадобится, скажите. Волчий король сейчас очень свободен.

У всех глаза полезли из орбит, ноги затряслись, словно мякина в сите. Да пусть уж лучше он будет свободен! Только бы не пришёл в деревню и не навёл страху. Они ведь люди пугливые, со страху и умереть недолго.

Стоявший рядом с Лин Си Хо Цзюй незаметно повернул голову и встретился взглядом с живыми, яркими глазами юноши. Тот лукаво улыбнулся и подмигнул ему. Всегда непонятливый в делах сердечных, честный и неловкий мужчина вдруг почувствовал, как что-то резко дрогнуло у него в груди. На короткое мгновение он словно вновь очутился в ту ночь, когда впервые пил в армейском лагере: запрокинул голову, а над ним бесчисленные, налегающие друг на друга звёзды, ноги будто стояли на облаках, и он сам не знал, что с ним происходит. Сердце оглушительно стучало, а жар расплзался по шее, ушам и далее по всему лицу.

Хо Цзюй в полной растерянности резко отвернулся и лишь порадовался, что у него тёмная кожа: будь он таким же белокожим, как Лин Си, даже представить страшно, насколько стыдно

было бы.

Эта история с разделом имущества завершилась тем, что Чжао Сюцзюань, стискивая зубы до хруста, проглотила унижение и боль. Она с трудом, через ноющую сердечную тоску, выложила пятнадцать лян серебра, чтобы «вернуть» их Хо Цзюю, а Хо Юндэн при этом ещё и усомнился - не прятала ли она всё это время деньги, чтобы потом отдавать родным в семью своей матери или самой жить в сытости и довольстве.

Ведь сперва Чжао Сюцзюань присвоила пять лян из общих средств, которые Хо Цзюй оставил на хозяйство, а затем украла его личные пятнадцать лян - всего целых двадцать. И всё это она делала тайком, не привлекая внимания домашних. Если бы в ее сердце не было постыдной корысти, зачем бы ей так поступать?

Чжао Сюцзюань на мгновение лишилась дара речи. Разумеется, она прятала деньги ради будущего своего Жун-эра, но такое нельзя было озвучить при всей семье: что бедствуют они не от недостатка, а от неравенства, ведь явная предвзятость неизбежно вызвала бы недовольство.

— Что тут говорить, в конце концов всё равно пойдёт на вас, — процедила она.

Несколько человек задумались на пару секунд - вроде бы логично, возразить было нечего. Чжао Сюцзюань слишком легко умела вертеть ими, пара небрежных слов и все сомнения сглажены. Но, глядя на удаляющиеся спины Хо Цзюя, опирающегося на костыль, и юноши рядом с ним, она едва не стиснула зубы до скрежета. Пусть подождут. Вот когда её Жун-эр станет большим чиновником, тогда они ещё будут просить её о помощи.

— В горах опасно, да и жить там неудобно, — предложил староста. — Вам двоим лучше перебраться вниз, так и деревенские смогут приглядывать.

Лин Си и Хо Цзюй переглянулись. Жить в глуши - это свобода, но и трудности немалые; к тому же ногу Хо Цзюя нужно лечить, а в горах сырость, она лишь мешает восстановлению. Немного всё обдумав, они решили спуститься.

Помимо лечения Хо Цзюя, у Лин Си была и другая цель - его глаза загорелись, когда он огляделся по сторонам на раскинувшиеся во все стороны ярко-зелёные рисовые всходы.

Он хочет заниматься фермерством!

Сразу взять двадцать му - он непременно вырастит зёрна крупные, налитые, прозрачные от чистоты, чтобы амбары ломились от урожая.

— В деревне осталось мало участков под застройку, — спросил староста у Хо Цзюя. — Есть место, которое тебе по нраву?

Хо Цзюй кивнул и показал старосте направление - участок на склоне у подножия горы, место довольно пустынное; если там строить дом, выйдет почти что отдельное, уединённое жильё, в стороне от всех.

Староста удивлённо приподнял брови и попытался переубедить:

— Слишком глухое место. Подумай ещё. Вот когда у вас появятся дети, чтобы поиграть с кем-то, им придётся бежать черт-те куда.

Губы Лин Си дрогнули, но он проглотил слова. На деле-то ему это место пришлась по душе: можно провести ключевую воду с горы, посадить по периметру деревья, чтобы заслоняли от лишних взглядов, и никто не подглядывал. А главное горы рядом, и ему удобно подниматься туда в любое время.

— Там и будет, — твёрдо решил Хо Цзюй.

Староста имел в виду, что у Хо Цзюя на руках есть пятнадцать лян, а дом на двоих в деревне обойдётся совсем недорого, люди помогут, труда большого не потребуется.

— Кстати, — продолжил староста, — ты же десять лет пропадал бесследно, все думали, что тебя нет в живых. Твои поля записали на имя твоего отца. Завтра утром пойдёшь со мной в управу, восстановим твою регистрацию, и поля снова перейдут на твоё имя. — сказав это, староста вдруг повернулся к Лин Си: — А у тебя есть какое-либо подтверждение личности - регистрационная бумага, удостоверение или дорожный пропуск?

Лин Си слушал и ничего не понимал. Это что ещё за штуковина?

Хо Цзюй заметил его недоумение и объяснил:

— В Дашэне данные о каждом жителе заносятся в реестр с момента рождения. Если человек из иной страны, он должен предъявить выданные у себя на родине документы, чтобы его не приняли за лазутчика. А чтобы свободно передвигаться по разным провинциям Дашэна, нужно иметь дорожный пропуск, выданный управой. Только беглые бродяги не могут предъявить удостоверение личности, и если их ловит правительство, их отправляют назад по месту приписки.

Лин Си осознал. То есть это вроде удостоверения личности. И, проще говоря, сейчас он нелегал.

— А... а если... если нельзя найти исходное место приписки?

Хо Цзюй посмотрел на него с загадочной непроницаемостью и ответил холодно:

— Заключат в тюрьму, проведут проверку личности. Если происхождение покажется сомнительным - либо вышлют из страны, либо убьют без суда.

Лин Си: «...»

Всё, конец, приехали.

Видя, как Лин Си стоит, будто окаменев, староста поспешил его успокоить:

— Далан, не пугай ты своего фулана так. Сейчас всё не настолько строго. Страна много лет воюет, бродяги повсюду, у чиновников нет времени каждого проверять досконально.

— Ты просто восстановишь регистрацию и запишешься под даланом, — продолжил староста. — Как раз вы двое теперь отдельное хозяйство ведёте, так что заодно завтра всё и оформим.

Так можно было? Лин Си облегчённо выдохнул. Но тут краем глаза заметил, что Хо Цзюй нахмурился, будто что-то его тревожило. Он только хотел спросить, в чём дело, как услышал слова старосты:

— Раз уж вы уже поклонились небу и земле, я сейчас составлю для вас брачную запись. Поставите отпечатки, и всё. Когда новый дом будет готов, как раз можно будет вместе отметить новоселье и свадьбу, и сэкономите немного, — староста, опасаясь, что молодые совсем ничего не понимают, со всех сторон старался продумать за них.

Лин Си онемел. Как так, стоило чуть отвлечься, и дело уже дошло до свадебных пиршеств? Он ведь лишь временно притворился супругом Хо Цзюя, это мера вынужденная, а не всерьёз. Кто же думал, что всё зайдёт так далеко и превратится в настоящую свадьбу. В голове у него будто клубок пряжи - чем больше пытался распутать, тем сильнее путалось. Лин Си решил: подождать, пока староста уйдёт, и тогда уже спокойно всё обсудить с Хо Цзюем.

Он тайком подал Хо Цзюю знак глазами. Тот совершенно спокойно скользнул по нему взглядом, затем шагнул вперёд и сказал старосте:

— Мы уходили поспешно, а в бамбуковом домике побывал вор, теперь там наверняка всё вверх дном. Хотим сперва подняться и прибраться, пока не стемнело и дорога не стала опасной.

Староста подумал и согласился, тем более Лин Си ведь, вернувшись снаружи, сразу пришёл в деревню; наверняка всё, что нес с собой, бросил где попало.

— Ладно, идите и возвращайтесь скорее. Я пока пойду домой и составлю для вас брачный документ.

Лин Си впервые в жизни не знал, куда деваться от чужой горячей заботы. А мужчина рядом лишь сохранял спокойствие и сдержанно поблагодарил:

— Хорошо. Спасибо, староста, извините, что беспокою вас.

Староста отмахнулся и, бодро переставляя ноги, зашагал домой.

Убедившись, что он уже не услышит, Лин Си всполошился так, будто у него брови загорелись:

— Что делать-то? Я же мужчина, как я с тобой подпишу брачную книгу? Сейчас если сбежать, ещё не поздно?

Хо Цзюй редко видел его настолько взволнованным, и с любопытством уставился на него:

— Если ты сам не проболтаешься, никто и не заметит, что ты мужчина.

Разница между герами и мужчинами не слишком велика, главным образом судят по телосложению и внешности. Рост у геров обычно лишь чуть выше метра семидесяти, кости тонкие, черты лица изящные и утончённые. Такой высокий гер, как Лин Си, почти метр восемьдесят, встречается крайне редко и ценится на брачном рынке невысоко.

В Дашэне эстетика по отношению к герам тяготеет к мягкости и хрупкой красоте - чем больше похож на женщину, тем лучше. Лин Си хоть и высок, но у него от природы тонкий костяк, да и возраст всего лишь на пороге зрелости, в фигуре ещё оставалась юношеская хрупкость. Вместе с его спокойным, утончённым лицом обман действительно мог пройти незаметно.

— Но если пройдёт время, а у нас детей не будет, подозрения появятся обязательно, — не зря Лин Си так переживал. У него ведь слух острый, и он раз за разом слышал, как тётушки да дядюшки обсуждают семейные дела: половина разговоров о женитьбе и детях. А в очереди к врачам в медицинский зал половина людей лечится от бесплодия, сколько ни считай, конца-края нет.

Лин Си учился отлично и в древнюю историю тоже был посвящён: он знал, что для людей прошлого многодетность была величайшим благом. Если жена три года жила в доме мужа и не рожала, семейству позволялось её отпустить и взять другую. Из этого было ясно, какое огромное значение придавалось деторождению.

Хо Цзюй опустил ресницы; взгляд на мгновение скользнул по животу Лин Си и тут же поспешно отшатнулся. Обычно, если через два года после свадьбы не было никаких признаков, семья начинала тревожиться. Если же и к третьему году не появлялось известий, соседи задавали вопросы каждый день, будто это у них самих беда, а то и начинали перешёптываться - с кем же проблема.

Лин Си переживал о том, что будет через два-три года. Но Хо Цзюй не собирался оставаться в деревне Линьшуй так надолго. Когда наступит подходящий момент, он уйдёт отсюда.

И тогда... какой путь выберет Лин Си?

Чёрные густые ресницы слегка дрогнули. Хо Цзюй подавил поднявшиеся в душе тёмные чувства и спокойно сказал:

— В худшем случае будут только лишние сплетни. Мы и так будем жить в стороне, это не помешает.

Лин Си внезапно вспомнил выбранное Хо Цзюем место под дом. Значит, мужчина заранее всё продумал: людей мало, и разговоров меньше. Живи они в центре деревни, от назойливости не было бы спасения.

Обсуждая дальнейшие дела, они незаметно дошли до бамбукового домика. К счастью, перед уходом с горы Лин Си положил купленное мясо в холодную воду. При такой-то жаре оно всё же не успело испортиться. Он так переживал за мясо, купленное за большую сумму, что, если бы оно пропало без единого укуса, он бы, пожалуй, сел и разрыдался от жалости.

— Зачем ты купил субпродукты? — окликнул Хо Цзюй, присев у ручья и промывая свиное мясо.

Ему самому свиные внутренности вовсе не в тягость, на войне он и коренья ел, лишь бы было что положить в рот, не то что субпродукты, всё же мясо. Но Лин Си совершенно нет необходимости питаться такими вещами.

Лин Си присел рядом, взял миску с внутренностями и начал посыпать в неё муку. Хо Цзюй всё мрачнел. Мука дорогая, а смешивать её со свиными потрохами - чистое транжирство. Но, увидев, что мука нужна, чтобы очистить внутренности, он слегка смягчился:

— Получится вымыть как следует?

Лин Си уверенно кивнул:

— Конечно.

Он сам никогда этого не делал, но читал о таком способе в книгах. А у него в руках были только полные, официальные издания, в них же не пишут ерунды, верно?

Смыв муку чистой водой, они увидели, что субпродукты и правда стали куда чище. Неприятный запах хоть и не исчез полностью, но в сравнении с прежним был почти терпим.

Хо Цзюй с любопытством покосился на него:

— Твоя мать...?

Он хотел было спросить, не этот ли способ научила Лин Си его мать, но тут же вспомнил, что юноша говорил - он сирота. Слова застряли у него в горле.

Хо Цзюй плавно изменил вопрос:

— Где ты этому научился?

Лин Си ничуть не смутился и просто ответил:

— В книге.

Плечо Хо Цзюя само собой чуть придвинулось ближе к юноше.

— Ты умеешь читать?

— Умею, — машинально отозвался Лин Си, затем немного подумал и пояснил: — В моём родном краю письменна похожи на ваши, но не совсем такие. Так что теперь я вроде как полуграмотный.

У юноши вечно находились странные, неожиданные выражения, и Хо Цзюй сам не понял, почему его это так потешило.

— Когда будет свободное время, могу тебя поучить.

Лин Си радостно обернулся и его губы скользнули по чему-то тёплому. Это была скула Хо Цзюя. Они и не заметили, как оказались так близко друг к другу, что одного поворота головы хватило, чтобы юноша нечаянно коснулся губами лица мужчины.

Сверху лился солнечный свет, дробясь в чистой воде ручья на мерцающие блики, и казалось, будто вокруг них осыпались золотые искры. В этот миг двое выглядели словно сошедшая со свитка картина. Жар, будто кипящий пар, хлынул Хо Цзюю в голову. Кусок свинины, который он мыл, выскользнул у него из пальцев и шлёпнулся в воду, рассыпая вокруг брызги. На смуглой коже мужчины проступил лёгкий румянец, приглушённый оттенком мёда, который придавало ему солнце.

— Ай!!! Моё мясо! — Лин Си первым заметил, что кусок свинины упал в воду, и в мгновение ока бросился его ловить, словно обезьяна, хватающая отражение луны. Он успел, и обед был

спасён. — Фух... я уж думал, всё, конец, — выдохнул он и похлопал себя по груди.

По сравнению с тем, как он случайно поцеловал Хо Цзюя, теперь его эмоции взлетели и рухнули, точно в вагончике на американских горках.

— Давай я помою. Если ты ещё раз уронишь, моё маленькое сердечко не выдержит, — буркнул Лин Си и присел, усердно принимаясь за работу.

Воздушные розовые пузырьки, которые только что кружились вокруг Хо Цзюя, были мгновенно расстреляны Лин Си, беспощадным снайпером по романтике. Жар с ушей и щёк исчез так же быстро, как появился, в груди больше не трепыхалась растерянная маленькая лань. Хо Цзюй вдруг подумал, что стоило бы взять Лин Си с собой однажды в военный лагерь и показать старым генералам, что такое настоящая «деревяшка», полностью лишённая понимания чувств.

В полдень готовил по-прежнему Хо Цзюй - он пожарил то самое блюдо, о котором Лин Си мечтал уже много дней: жареное мясо с бамбуковыми побегами. Свежесрезанные побеги были хрустящими, нежными и источали лёгкий аромат.

Хо Цзюй протянул Лин Си несколько медяков:

— У деревенских ворот есть винокурня. Торговца зовут Люй, зови его просто дядя Люй.

Лин Си без церемоний схватил медяки и стрелой умчался, прямо как порыв ветра. Следуя указаниям Хо Цзюя, он быстро нашёл винокурню: густой аромат спиртного тянулся со всех сторон, так что заблудиться было невозможно. Мужчина в тёмно-серой холщовой одежде нагнулся над большим глиняным чаном, проверяя, как бродит закваска. Услышав шаги, он поднял голову, увидел подошедшего юношу и слегка ошеломился. Какой красивый гер.

— Вы дядя Люй? Я пришёл набрать вина, — произнёс Лин Си. Акцент у него ещё был заметен, но смысл уловить можно.

Дядя Люй выглядел лет на сорок, его руки, как и лицо, были покрыты следами многолетнего труда - по одному только взгляду было ясно: человек он усердный.

— Да, я. А ты чей родственник? Раньше не видел тебя в деревне, — дядя Люй оглядел Лин Си сверху донизу, и чем дольше смотрел, тем больше чувствовал расположение. Если бы такой красавчик стал мужем его сына - вот бы счастье.

Лин Си едва выдержал такой горячий взгляд.

— Меня зовут Лин Си. Я супруг Хо-далана.

Улыбка дяди Люя мгновенно застыла. Значит, замужем уже. Ну, нет судьбы, так нет.

Поняв, что рассчитывать не на что, дядя Люй перестал строить планов и просто ловко наполнил для Лин Си бамбуковый тубус вином.

Обойдя стоящий спереди шкаф, который заслонял обзор, Лин Си наконец увидел, что дядя Люй... стоит с выпирающим животом. Он от неожиданности раскрыл глаза так, словно увидел привидение, и всерьёз усомнился, не спит ли он среди бела дня.

Мужчина... беременный? Разве такое не только в романах бывает!?

Реальность, шагнувшая за грань романа, выбила Лин Си из колеи так сильно, что он долго не мог прийти в себя.

— На, держи, чего застыл? — дядя Люй протянул ему бамбуковую колбу. Его живот был примерно на шестом месяце, не слишком большой. Если бы не тот едва заметный жест, когда он автоматически прикрыл живот ладонью, Лин Си бы и дальше думал, что у мужчины просто «пивной живот».

Но чем больше он размышлял, тем меньше всё сходилось. Какой, к черту, «пивной» живот - пива-то в это время вообще нет! Народ в деревне едва доедает, допивает, откуда взяться объевшемуся брюху?

Лин Си деревянно принял бамбуковый сосуд:

— Спасибо...

По дороге назад он всё ещё бродил в тумане потрясения. Но стоило только показаться бамбуковому домику, откуда лёгкой струйкой тянулся дымок, и ощутить в воздухе запах домашней стряпни, как он словно проснулся. Хо Цзюй стоял у плиты, полностью погружённый в готовку; солнечный свет подчеркивал рельеф его крепкой предплечья.

Лин Си сглотнул и понял, что проголодался ещё сильнее.

Хо Цзюй даже не поднимал глаз, но точно знал, что Лин Си вернулся, и протянул руку, требуя вино. Лин Си встрепенулся и быстро подал ему тубус.

— Угадаешь, что я только что увидел? — Лин Си подскочил к Хо Цзюю, начал ходить вокруг него кругами, как будто собирался рассказывать страшилку.

— Я увидел, что дядя Люй ходит с животом! У вас тут мужчины тоже беременеют? Это же круто невероятно!

Хо Цзюй остановил руку с ложкой, посмотрел на него так, словно перед ним стоял круглый дурак:

— Дядя Люй - фулан.

В самые страшные моменты тишина падает как нож. Лин Си стоял с приоткрытым ртом и лишь спустя добрую паузу смог сообразить:

— То есть дядя Люй - это выданный замуж гер... Тогда ему беременеть нормально.

— Замужних геров младшие обычно называют «дядя», — добавил Хо Цзюй.

Лин Си будто прозрел, но тут же нахмурил брови:

— Но дяде Люю на вид лет сорок, не меньше. Беременность в таком возрасте очень опасна.

Хо Цзюй переложил готовое блюдо из вока на тарелку и беспомощно сообщил:

— Дяде Люю тридцать.

Лин Си решил, что ослышался. Да, жизнь в деревне тяжёлая - недоедание, изнуряющий труд, одежда из худших тканей - всё это старит людей раньше времени. Но уж не на десять же лет!

Заметив его мысли, Хо Цзюй коротко пояснил обстановку в доме дяди Люя:

— Муж у дяди Люя лежачий, парализован. Родители мужа перешагнули за шестьдесят, постоянно болеют, требуют лекарства. Старший сын учится в уездном городе. И всё это держится только на дяде Люе - он один всю семью кормит. Поработай так, и самый молодой организм сломается. Потому-то он и выглядит старше своих лет.

— Его семья, — сказал Хо Цзюй тихо, будто подытоживая, — словно пиявки, виснут на нём и высасывают все жизненные силы.

— Парализованный, и ещё детей продолжает стругать? У них что, престол наследуется?! — едва вылетели эти слова, как чья-то большая ладонь стремительно закрыла Лин Си рот.

Хо Цзюй похолодел от таких дерзких речей, дыхание у него стало тяжёлым:

— Ты жить устал?

Горячее, резкое дыхание мужчины обдало Лин Си у уха - жарко, щекотно. Лин Си неловко шевельнул головой, пытаясь чуть отодвинуться. Он мигом вспомнил, что находится в феодальной эпохе, и подобное нельзя ляпать вслух. Он дёрнул Хо Цзюя за рукав и приглушённо промычал - мол, понял, всё понял.

Хо Цзюй опустил взгляд и перед глазами вспыхнула ослепительная белизна: тонкая, изящная шея юноши, гладкая и светлая, как у белого лебедя, кожа прозрачная, будто фарфор или резной белый нефрит. Глаза невольно прилипли к этому участку, и где-то глубоко под кожей поднялась опасная, дерзкая тяга, тянущая, как запрет.

Лин Си чувствовал, что его вот-вот задушат, и, не выдержав, приоткрыл зубы и вцепился в ладонь Хо Цзюя. Во рту даже ощущался привкус жареного мяса с бамбуковыми побегами. Не удержавшись, он лизнул, правда, кожа у воина за годы тренировок стала грубой, твёрдой, с толстой мозолью, так что удовольствия мало.

Хо Цзюй дернул руку так резко, будто его током ударило, и посмотрел зверем. Взгляд хищный, ледяной, будто с него только что сорвали многолетнюю ледяную корку, и теперь по всему телу ползёт ломящий холод. А укушенную ладонь он спрятал за спину, будто боялся повторного нападения, хотя на самом деле скрывал то, что эта ладонь пылала так, что мужчина забыл, как нужно сгибать пальцы.

Он впился в Лин Си взглядом и лишь спустя долгое, давящее молчание процедил сквозь зубы два слова:

— Бес... стыдник.

<http://bllate.org/book/13580/1204867>